

Мы сидим в гостиничном номере. Хозяйка, человек средних лет, меня обманивает. На глазах. Безбожно. Взял у меня серебряную монетку и бросил ее в воздух. Она взлетела и, остановившись, растворилась. Какое-то время я сижу в недоумении. Но хозяйка вытаскивает мою монетку из подошвы своего туфля и улыбается:

— Вы не огорчайтесь. Ваши деньги тут.

Итак, то, что тысячу раз я читал в книжках про волшебников, мне предметно показывают. Только делает это не чародей из легенд, а народный артист Армянской ССР Арютюн Амаякович Акопян.

А что он выделяет с афишей! С самой обычной, каких тысячи на улицах города. Рвет ее на куски, комкает в плотный клубок и вдруг из кулака вытаскивает... двадцатипятирублевки, десятки, пятерки. Когда зрители придут в полную растерянность, он прищурит глаза и с восточным лукавством скажет:

— И вот так каждый вечер!

Понятно, какой смех стоит в зале.

— Я вас, дорогие товарищи, сейчас буду честно обманывать, — так начинает артист свои выступления.

И, между прочим, он прав. Ведь никакой аппаратуры, решительно никакой «современной техники» нет у Акопяна под руками. Быть манипулятором — значит достигать всего только трудом, исключительной натренированностью рук. Зрители захлебываются от восторгов, но никто не знает, каких трудов стоил каждый трюк Арютюну Амаяковичу. Три — четыре часа ежедневных тренировок. Собственно, все сводится к работе пальцев. Маленькие, худые акопяновские пальцы виртуознее пальцев любого пианиста.

Вот почему часто зрителю неизвестно, что нет каких-то чудесных превращений, есть ловкость рук.

Да что там зрители! Во Франции даже коллеги-иллюзионисты засомневались во многом. Сначала они сидели в зрительном зале театра Вабино, что в рабочих кварталах Парижа. Среди поклонников иллюзионного искусства был президент иллюзионного общества, старый маг, проведший на сцене полвека. После представления он

пришел за кулисы театра Вабино и, поздравив с успехом Акопяна, пригласил его к себе.

Акопян думал, что у старика-фокусника будет просто чаепитие. Но, приехав к нему в виллу, был удивлен. Здесь готовилось грандиозное состязание сильнейших фокусников Парижа.

— Милости просим с нами посоревноваться, — пригласили Акопяна.

Арутюн Амаякович взял в руки колоду карт, сделал движение ладонью, колода веером рассыпалась. Ладонь опустела. Пауза — и вновь карты летят на пол с той же руки. Но где же их хранил Акопян? Он ведь обе стороны ладони показывал. Мгновение — и карты сыплются уже с левой руки. Потом еще и еще.

Старик — президент магического общества Франции — еще в театре понял, что сегодня он наградит Акопяна золотой медалью. Эта медаль весом в 75 граммов, которая в течение десяти лет никому не присуждалась, украсила грудь советского артиста. На медали короткая надпись: «Париж признает самым крупным гранд-иллюзионистом Акопяна. Париж, 27-11-59 г.»

Арутюн Амаякович принял медаль как высшую оценку советскому искусству. Впрочем, такую оценку нашему иллюзионному искусству уже давали и прежде и награды вручали тоже Акопяну.

На Цейлоне Акопян с блеском пронес гордое имя советского артиста. В столице государства Коломбо проходили международные соревнования иллюзионистов. Виднейшие факиры Китая, Японии, Франции, Италии съехались сюда. Словом, каждая из двенадцати стран, принявших участие в этом состязании, знала, кого посылать. Выступление советского артиста не входило в программу соревнований. Акопян оказался на Цейлоне случайно. Приехал на обычные гастроли вы-

ЧАРОДЕЙ

ступления. И вдруг в местной газете заметка, подписанная американскими артистами: мол, посоревнуемся, господа! Акопян!

— Есть еще три дня в запасе, — подсчитал посол СССР на Цейлоне Яковлев. — Думаю, сможете. Арутюн Амаякович, приготовьте себе программу.

Три напряженных дня, а затем — жеребьевка. Выпало выступать девятым.

Восточная публика избалована подобными представлениями. И все же от этого фоуама чародеев ждет чего-то необычного.

Факиры понимают это. Все — от их реквизита до магических заклинаний — бьет на эффект, загадочность, таинственность. Богатая техника, яркие лучи осветительных ламп меняют цвета.

Новый трюк — новая удача. На арене греческий иллюзионист Хамамардос. Движения величественны, повелительны. Униформисты, выполняющие команду факира, выносят сосуд. Не больше, чем двухведерный. Потом наполняют его водой. Пять, десять, двадцать ведр уже опрокинули туда, а его глиняная утроба все еще не наполна.

Факир дает знаки, опускает ладонь в воду. Зрители видят, как она серебрится в его руке.

Хамамардос накрывает сосуд черным платком, делает несколько магических движений руками.

«Что же теперь будет?» — путаются в догадках зрители. Ожидают всего, но только не этого. Из сосуда, оказавшегося совершенно без воды, выходят наружу липипути.

Как настоящий волшебник, стоит перед зрительными индийский артист Саркар. Чуть в стороне — кушетка, на которой лека замерла красавица индианка, накрытая легким покрывалом. Над ее грудью диск электропилы.

Саркар нажимает кнопку, пила рычит, опускается.

Публика слышит, как ее зубья заскрежечали, стараясь разделить женщину на две части. Вот уже и кушетка перепилена пополам. Ее раздвигают — расходятся в разные стороны (тут никого не проведешь) голова и ноги женщины.

У публики волосы дыбом. Пока еще не поймешь, от чего. Или от мужества индианки, не выдавшей ни звука своей боли, или от бесчеловечности фокусника.

Но — пистолетный выстрел, и индианка как ни в чем не бывало поднимается с кушетки, делает поклон зрителям и уходит с арены.

Ужасы сменяются восторгами, удивленные зрители встречают и провожают иллюзионистов, представляющих искусство разных стран.

И вдруг публика в недоумении. Что за бедность? Ни тебе техники, ни игры световых лучей. На арене стоит один на один со зрительным залом человек в черном фраке, белых перчатках, цилиндре и с тростью.

Кто он? Что он будет делать?

Он — советский артист Арутюн Акопян. А будет «честно обманывать» зрителей.

Пианистка Лидия Окасмова опустила пальцы на клавиши. Акопян делает несколько шагов по арене. Снимает одну перчатку, другую. Берет их в правую ладонь, и, словно два голубя, они взлетают вверх. Все. Больше их не видят. Они слились с воздухом, растаяли в нем.

Публика неистово благодарит советского артиста, отбывая ладонями четкий ритм.

Акопян, не обращая внимания на ажиотаж, приподнял трость над грудью и оставил ее стоять в воздухе. Акопяну мешал цилиндр, он снимает его и машет им тростью. Она не шелохнется.

На смену советскому артисту приходит десятый одиннадцатый, двенадцатый участники состязания. Но уже не тот эффект.

Настоящее искусство зрители уже видели, его привез советский артист.

Участники состязаний выстроились в шеренгу, ждут оценки своего мастерства. Председатель жюри объявляет итоги и делает шаг к Акопяну. Ему присуждена первая премия — шкатулка «Золотой лев».

Внутри ее Почетная грамота, удостоверяющая, что Арутюн Амаякович Акопян отныне почетный член Международного магического круга.

Откуда такой талант? Где учился своему мастерству Акопян?

Во всяком случае, ни в строительном техникуме, ни на факультете аэрофотогеодезии московского вуза, где он получал образование, фокусы не преподают. Да у нас пока этому виду искусства вообще нигде не обучают.

Тем большее творчество требуется от артистов. У молодых иллюзионистов есть на вооружении опыт Акопяна, его три книжки «Десять фокусов», «Фокусы на эстраде», «Пятьдесят фокусов». Но самому Акопяну помогали в его творчестве только собственная мысль да добрый совет жены Лили Акопян. Она тоже артистка солистка Московской государственной эстрады.

Кстати, ее одобрение было первой похвалой и для десятилетнего Амаяка, сына Акопянов. Он ведь тоже хочет выступать в папином жанре. И даже уже выступал перед ребятами на елке в Центральном Доме работников искусств. А потом по телевидению. Это был волшебник — ни дать, ни взять. Только современный. В его арсенале не какие-то древние предметы. Он работал с мужскими галстуком и конфетами «Мишка на Севере».

Вот только второй — восьмилетний сын никак не поймет прелестей жизни волшебников. «Хочу быть кономаном», — твердит он. Как говорится, мнения разделились...

Л. САВЕЛЬЕВ.
Фото А. Брянцева

МАЙ 1960
ЖУРНАЛ «ЛЕНИН»
Г. ВОЛГОГРАД